

© 2005 г. Н. А. СОБОЛЕВА*

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГИМНОВ

В декабре 2000 г. Государственная дума и Совет Федерации Российской Федерации приняли три закона о символах государственного суверенитета страны, которые подписал Президент В.В. Путин. Ими стали Государственный герб в виде двуглавого орла с коронами на головах, введенный в 1993 г. указом Б.Н. Ельцина, трехполосный бело-сине-красный флаг, выбранный в 1991 г. депутатами Чрезвычайной сессии Верховного совета РСФСР в качестве символа суверенной России, и Государственный гимн на музыку А.В. Александрова и слова С.В. Михалкова. Все эти символы, и особенно Гимн, вызвали неоднозначную реакцию в обществе, которое все еще не может успокоиться после смены политических реалий в нашей стране, произошедшей в начале 1990-х гг. Но, пожалуй, особенно много споров вызывают «советская» музыка Гимна и его новые слова, написанные тем же автором, который был одним из создателей Гимна Советского Союза. При этом получили хождение домыслы и суждения об истории государственных гимнов России, СССР и нынешней Российской Федерации, что побуждает более подробно, с использованием многочисленных архивных документов и других источников остановиться на этом вопросе.

Музыкальный символ России, можно сказать, всегда становился для отечественной общественности своеобразным «камнем преткновения». Эта проблема активно обсуждалась, например, в 1917 г., когда Николай II отрекся от престола, что делало невозможным дальнейшее существование прежнего гимна, начинавшегося словами «Боже, царя храни». Среди десятков предложений различных мелодий и слов для гимна новой, демократической России¹ выделяется своей конструктивностью небольшая статья поэта В.Я. Брюсова, написанная в марте 1917 г.² Он констатировал: России необходим новый национальный гимн, на создание которого следует объявить конкурс. Поэт подчеркивал, что «национальный гимн есть патриотическая песнь, выражающая дух народа, его заветные убеждения, его основные устремления». Есть много прекрасных гимнов («Марсельеза», «Еще Польша не погибла» и т.д.), продолжал Брюсов, но для России нужно нечто другое: «Нужна краткая песнь, которая силою звуков, магией искусства сразу объединила бы собравшихся в одном порыве, сразу настроила бы всех на один высокий лад...» Музыка гимна должна быть мощной, как любовь к Отчизне.

Под стать ей должны быть и слова гимна, причем в России создать его текст, как считал Брюсов, особенно сложно. «Дух народа» легко воплотить в словах, когда речь идет о «единообразном населении». Россия же – страна многонациональная, поэтому ее гимн вряд ли может быть лишь «великорусским», а напротив, должен объединять все населяющие нашу страну народы. Пафосность одной религии – Православия также не сможет сыграть объединяющей роли. По глубокому убеждению Брюсова, гимн новой России не должен разделять население страны по вероисповеданию, национальности и классовому признаку. Среди идей и образов, способных затронуть чувства всех любящих Россию людей, Брюсов называл необозримые просторы нашего Отечества, героические военные подвиги предков, братство народов России и их труд на общее благо. К сожалению, мысли Брюсова не были востребованы ни Временным, ни советским правительствами.

* Соболева Надежда Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Судя по публикациям, негативно оценивающим Гимн сегодняшней демократической России, история Государственных гимнов России все еще осталась неизвестной современной творческой интеллигенции. В этом плане выделяется сборник под редакцией М.О. Чудаковой «За Глинку!»³, все авторы которого в штыки встретили саму идею возвращения к музыке Гимна СССР, написанной Александровым. Попутно с их легкой руки в книге излагаются мифы «о конкурсе гимнов николаевской России, в котором победил Львов» (с. 44), о множестве стран, где существуют гимны без текстов (с. 51), о том, что, «как и в любой песне, в гимне самое главное – музыка» (с. 78) и т.д. Некоторые авторы опускаются до мистических рассуждений (близких модным ныне конспирологическим заключениям) о том, что гимн, флаг, герб – это сакральные символы, выбор которых «означает неминуемые (вероятно, трагические. – Н.С.) последствия» (с. 81), предсказывают скорую и неперемнную смену гимна (а заодно, по видимому, герба и флага), запугивают их личным «невставанием» при исполнении Гимна России (с. 51, 52, 54, 71, 84, 91) и т.д. При полном отрицании музыки Александрова в сборнике настойчиво проводится мысль о том, что в качестве Гимна России нужно было закрепить «Патриотическую песню» М.И. Глинки или его знаменитый хор «Славься!» из оперы «Иван Сусанин»⁴.

Некоторые авторы в работах последних лет пишут об официальных и неофициальных гимнах Российской империи, о национальном (государственном?) гимне-марше Преображенского полка и о других маршах-гимнах, а также гимнах-молитвах⁵. Беспорно, музыка этих «гимнов» была в свое время привлекательна для отдельных групп населения и различных сословий России, но ни один из них не нес объединяющего программного для народа всей страны начала, тогда как именно это является основным критерием Государственного гимна. Идентификация марша и гимна сдвигает дату появления российского Государственного гимна к эпохе Петра I, что исторически неверно. Это особенно заметно в свете тех работ последних лет, где проблема появления русского национального гимна справедливо рассматривается в контексте формирования идеологии николаевской России и прямо связывается с провозглашенной в марте 1833 г. известной доктриной министра народного просвещения С.С. Уварова «Православие, самодержавие, народность»⁶. Последняя, в свою очередь, базируется на апологетике самодержавия у Н.М. Карамзина, духовное воздействие которого на российское общество и на утверждение «охранительных» воззрений было поистине огромно⁷.

В историографии уже неоднократно отмечался тот факт, что ум, интеллигентность, гуманистические воззрения соседствуют у русского историка с убежденностью монархиста. Особенно его напугал 1793 г. во Франции, якобинская диктатура, страх перед «бунтом» пересилил прежний либерализм. Карамзин погружается в российскую историю и на первый план выступает теперь ультрапатриотизм, а любовь к истории выглядит как безоговорочное принятие прежних и существующих порядков. В результате вывод – самодержавие есть единственный «палладиум» России.

Карамзина слушали, внимали его историко-патриотическим идеям при чтении «Истории государства Российского» такие же умные, тонкие, образованные люди – С.С. Уваров, В.А. Жуковский, Д.Н. Блудов. Через несколько лет один из них станет родоначальником идеологизированной «теории официальной народности» (Уваров), другой создаст стихи гимна, прославляющие самодержавие (Жуковский), третий будет разрабатывать «Уложение о наказаниях». Эти люди, занявшие при Николае I важные министерские посты, были близки царю по своему мировоззрению (Жуковский, как известно, даже являлся наставником наследника престола). Неудавшийся переворот 1825 г., по-видимому, заставил воцарившегося нового монарха позаботиться о «четкой концепции национального бытия», в создании которой ему помогли наиболее доверенные люди, воспитанные Карамзиным на «благоговении перед святыней власти державной». Они способствовали каждый на своем месте воссозданию идеи «особности» и «самодостаточности» великой России.

Не последнее место государственная концепция отводила оригинальной властной атрибутике. В 1848 г. по распоряжению Николая Павловича существующая в довольно

жалком виде Герольдия преобразовалась в учреждение более высокого ранга – департамент Сената. В 1851 г. царь дал указание «принять на будущее время за правило на гербах губерний, областей и губернских городов, как впредь будут представлены на высочайшее утверждение, изображать всегда императорскую корону» и т.д. В общем контексте формирования единой концепции «национального бытия» россиян следует рассматривать и появление в 1833 г. «народной песни» В.А. Жуковского – А.Ф. Львова как официального Государственного гимна Российской империи.

Обращение к истории гимнов – песнопений во славу богов, правителей и героев ушло бы нас в эпоху древнейших культур человечества (шумерийской, египетской), в III тысячелетие до н.э., затем в античность, где гимны были тесно связаны с греко-римским политеизмом, и наконец показало бы становление этого специфического музыкально-поэтического жанра в быту и культуре многих стран Востока и Запада в первые века нашей эры. Это тема специального исследования и в настоящей статье лишь коснемся одного из ее аспектов.

Христианская культура избрала такой вид гимна, который и по форме, и по содержанию соответствовал ее религиозным представлениям. В христианское богослужение гимны вошли как хвалебные песни Богу, Богородице, святым. Со II в. н.э. известны гимны, сочиненные христианами-проповедниками, церковными иерархами, философами и писателями. Византийская церковь культивировала гимн как часть литургического пения. Расцвет византийских гимнов приходится на V–VI вв. и охватывает несколько столетий. В IX в. центром культового гимнического творчества становится Студийский монастырь в Константинополе, где слагал и исполнял славословия в честь Девы Марии, святых великомучеников христианской церкви его настоятель Феодор Студит. Монастырь посетил в XIV в. Стефан Новгородец, который сообщает об этом в своем «Хождении», а также отмечает, что «ту жилъ Феодоръ Студиски и в Русь послал многы книги: Устав, триоди и ины книги»⁸. В Триоди (богослужебной книге) содержались песнопения многих знаменитых слагателей гимнов, в том числе и самого Феодора Студита. Естественно, Феодор Студит, скончавшийся в начале IX в., никак не мог послать на Русь свои гимны. Их появление в Древней Руси связано с крещением ее в конце X в. и началом церковной службы. В «Повести временных лет» говорится о первых славословиях на Руси в честь Иисуса Христа (988 г.)⁹.

В настоящее время соотношение византийской и древнерусской музыки рассматривается в трех вариантах: 1) древнерусская музыка – это византийская музыка у славян; 2) древнерусская музыка, имея за исходную точку византийскую, самобытна в своем дальнейшем развитии; 3) древнерусская музыка самобытна изначально и сохраняет эту самобытность¹⁰, причем более взвешенной представляется вторая точка зрения¹¹. Памятником древнерусского торжественного красноречия, восхваляющим и прославляющим киевского кн. Владимира Святославича, крестившего Русь, и продолжателя его дел Ярослава Владимировича, является «Слово о законе и благодати» русского митрополита Илариона (сер. XI в.). Его часто именуют гимном русской государственности, ибо автор с огромным патриотическим чувством восхваляет не только благочестие, военные заслуги и государственные деяния русских князей, но славит и Русскую землю. Русские письменные памятники содержат на протяжении веков прославления многих князей, княжеских деяний, однако лишь условно их можно назвать гимнами.

Первые отечественные музыкальные произведения, относящиеся к христианской гимнологии, сохранились от XII в. Это кондак, стихирь, канон в честь князей Бориса и Глеба, с которыми связывалась патриотическая идея единства Русского государства¹². В домонгольской Руси было написано более десятка гимнических служб «собственно русского творчества»¹³.

С XVI в. наблюдается расцвет русской гимнографии. Песнопения в честь русских воинов, героев, духовных руководителей сохраняли память о них и вместе с тем укрепляли дух русского народа. Эти традиционные сакральные песнопения продолжали создаваться и позже, однако новые общественные веяния порождали и новые музыкальные формы, прежде всего канты и псалмы. Через Украину, куда, в свою очередь, они

были завезены из Польши (а туда – из Германии и Италии), в Россию с XVII в. проникла светская музыка в виде партесного (по партиям) пения, воплощаемая в авторских композициях, кантах, псалмах и концертах.

Петр I и его сподвижники, например Феофан Прокопович, уделяли чрезвычайно большое внимание пропаганде и прославлению как личности царя, так и его деяний на благо России. Музыкальные прославления осуществлялись и в кантах, и в партесных концертах. Так, в честь завоевания Петром I Ижерской земли в 1702 г. был исполнен праздничный концерт «Веселися, Ижерская земля», где явно прослеживаются гимнические черты. По тому же канону композитор Василий Титов написал «Концерт Полтавскому торжеству», чему предшествовала заказанная царем «Служба благодарственная... о великой Богом дарованной победе над свейским королем Карлом XII и воинством его»¹⁴. Титов и другие композиторы создали такие героико-патриотические произведения, как «Виват, Россия, именем преславна», «Возвеселисе, Россия, правоверная страна», «Радуйся, российский Орле двоеглавый» и т.д.

Но несмотря на становление в течение XVIII в. в России светской музыки – маршевой, концертной, оперной, танцевальной, песенной, что было связано с европеизацией различных сторон русской жизни, главным и единственным видом «отечественного профессионального музыкального сочинительства оставалось церковное хоровое многоголосье»¹⁵. Традиционная православная музыка, несомненно, повлияла на возникновение духовных концертов М.С. Березовского, но особенно на творчество Д.С. Бортнянского. Некоторые его произведения являлись настоящими гимнами, к числу которых относится и знаменитый «Коль славен наш Господь в Сионе...» Стихи к нему написал куратор Московского университета М.М. Херасков – известный поэт того времени и масон. Поэтому «Коль славен» стал масонским гимном, что не помешало ему занять свое место среди самых значительных духовных произведений.

По мнению некоторых специалистов, одновременно с Бортнянским самостоятельное положение в развитии русского церковного пения занимали протоиерей Турчанинов, А.Ф. Львов и Г.Я. Ломакин¹⁶. Именно Львову суждено было создать мелодию первого «настоящего» национального гимна, трогавшего души русских людей разных поколений и сословий. Думается, что причина этого в самой тональности его «народной песни», которая ближе всего к церковной музыке, «на генном уровне» прочно укоренившейся в сознании его современников как символ незыблемости и исконности Российской державы, хранимой Иисусом Христом, Богородицей и святыми, которым они ежедневно возносили свои молитвы. В гимнической мелодии Львова не ощущается итальянского сладкозвучия и легкости мелодий Бортнянского, но зато в ней есть некая основательность и незыблемость.

Можно согласиться с мнением автора «Истории национальных гимнов» Н. Бернштейна, который подчеркивал, что история создания некоторых гимнов обнаруживает явную связь между их происхождением и политическими настроениями той общественной среды, в которой они рождались. «Не только бельгийский и французский гимны, но и английский... являются своего рода звуковыми термометрами, показывающими подъем общественного настроения»¹⁷, – писал он. Характерно, что именно тогда, когда Россия и Англия вместе сокрушили Наполеона, английский государственный гимн стал объектом особого внимания в России, и в 1814 г. Жуковский сделал его стихотворный перевод. Первая публикация этого текста в «Сыне отечества» в 1815 г. содержала 7 строк и называлась «Молитва русских». Есть сведения, что в конце 1815 г. в Дерпте он исполнялся на музыку местного композитора А. Вейрауха¹⁸.

С 1816 г. эти стихи пели уже на музыку английского гимна «Боже, храни короля». В «Истории лейб-гвардии Финляндского полка» упоминаются письма цесаревича Константина Павловича к генерал-адъютанту Н.М. Сипягину, где очень подробно день за днем излагается все, что происходило в Варшаве в период пребывания там осенью 1816 г. Александра I. На параде, когда царь «подъехал к фронту войск, все музыканты барабанщики и флейщики после пробития двух колен похода сыграли гимн "Боже, царя храни", взятый с английского национального "Боже, храни короля", и очень понравив-

шийся царю»¹⁹. С тех пор начали постоянно исполнять мелодию английского гимна «при отдании чести государю, попеременно с двумя коленами похода». Однако, несмотря на исполнение «Молитвы русских» с английской мелодией в разных ситуациях (например, лицеисты, соученики А.С. Пушкина, узнав, что Александр I находится в Царском селе, начинали петь «Боже, царя храни» по тогдашнему тексту и тогдашней английской мелодии²⁰), он вряд ли признавался тогда государственным российским гимном, ибо не утвердился еще в качестве обязательного атрибута различных официальных церемоний. Так, в присутствии Николая I, его жены и наследника, прибывших в Варшаву в 1829 г. для коронации, при вручении им скипетра и державы под возгласы «Слава императору во веки веков» и гром пушек исполнялся «Тебе, Бога, хвалим»²¹ – знаменитый средневековый гимн Амвросия Медиоланского.

Надо сказать, что полный вариант «Молитвы русского народа» (42 строки), написанной В.А. Жуковским, не ограничивался прославлением монарха. Здесь воспевались также «Русь православная», «воины-мстители» и «мирные блюстители» (закона), что вполне соотносилось с историческим контекстом – триумфом над Наполеоном. Однако Николаю I этот текст не понравился, и он называл его «размазней Жуковского»²². В тексте 1833 г. главным фигурантом выступал монарх, рядом с которым присутствовали две составляющие официальной идеологической доктрины – Православие и Самодержавие. Что касается «народности», то о ней напоминало название гимна – «Русская народная песня», и все это очень импонировало Николаю I. Теперь текст гимна гласил: «Боже, царя храни! / Сильный, державный, / Царствуй на славу, (на славу) нам, / Царствуй на страх врагам, / Царь православный! / Боже, царя (царя) храни!»

Основные данные, касающиеся истории создания гимна «Боже, царя храни», довольно полно изложены как в работах музыковедов и историков, так и в многочисленных статьях и брошюрах авторов, интересовавшихся в последнее десятилетие таким феноменом, как царский гимн²³. Хорошо известно, что автор музыки гимна Алексей Федорович Львов был избран Николаем I для выполнения этой работы как человек ему близкий и лично преданный и в то же время, безусловно, музыкально одаренный. Он был прекрасным скрипачом, талантом которого восхищались Мендельсон, Лист, Шуман. Последний, например, в статье «Алексей Львов» называл его «автором знаменитого русского национального гимна и других сочинений, которые еще ждут своего опубликования». После концерта в Лейпциге, на котором он присутствовал, Шуман написал: «г-н Львов – скрипач настолько примечательный и редкостный, что может быть поставлен в один ряд с первыми исполнителями вообще»²⁴.

Львов являлся также и прекрасным музыкальным организатором: в 1850 г. он учредил первое в России «Концертное общество», сыгравшее большую роль в пропаганде классической музыки. Члены общества, в которое входили не только музыканты, но и представители высшего общества и даже царской семьи, делали немалые взносы, позволявшие устраивать концерты для широкого круга любителей музыки. Концерты обычно происходили в помещении Придворной капеллы, и в них часто принимал участие ее хор. Директором Певческой капеллы являлся опять же Львов, как бы унаследовавший эту должность от отца – Федора Петровича. Основав при Певческой капелле музыкальные классы, он предвосхитил официальное начало профессионального музыкального образования в открытой в 1862 г. Петербургской консерватории, куда Львов посылал своих воспитанников.

Все авторы, писавшие о работе Львова над гимном, опирались на его «Записки», опубликованные в 1884 г. в «Русском архиве». Напомним, что по окончании Корпуса инженеров путей сообщения в 1818 г. Львов служил под началом А.А. Аракчеева, а затем А.Х. Бенкендорфа. При Николае I он был назначен командиром царского конвоя и с этого времени стал близок не только к императору, но и его семье, участвуя как скрипач в домашних концертах императорского семейства.

Событию, связанному с царским заказом, Львов уделяет в своих «Записках» особое место: «...В 1833 году я сопутствовал государю в Австрию и Пруссию. По возвращении в Россию граф Бенкендорф сказал мне, что государь, сожалея, что мы не имеем своего

народного гимна, и скучая слышать музыку английскую, столько лет употребляемую, поручает мне попробовать написать гимн русский. Задача эта показалась мне трудною, когда я вспомнил о величественном гимне английском: God save the King, об оригинальном гимне французском и умилительном гимне австрийском. Я чувствовал надобность написать гимн величественный, сильный, чувствительный, для всякого понятный, имеющий отпечаток национальности, годный для церкви, годный для войска, годный для народа – от ученого до невежи. Все эти условия меня пугали, и я ничего написать не мог. В один вечер, возвратясь домой поздно, я сел к столу, и в несколько минут гимн был написан»²⁵.

Далее рассказывается, как Львов пошел к Жуковскому (по-видимому, об этом существовала предварительная договоренность), который предоставил ему 6-строчный текст, начинающийся теми же словами «Боже, царя храни», что и текст 1814 г. Львов пишет, что Жуковский «подогнал» под его мелодию уже имеющиеся слова. На самом деле, кроме первой строчки, слова были написаны заново, отчасти действительно соразмерно музыке, предложенной Львовым, но прежде всего, в соответствии с новой «идеологической программой». Хорошо осознавая свою роль в ее осуществлении, композитор, обращаясь к детям, замечал в «Записках»: «Душевному артисту, как ваш отец, можно почитать счастьем удачное сочинение гимна, который если не достоинством, то по назначению своему переживет бездну других музыкальных сочинений несравненно обширнее, которого достоинство и ценность увеличивается по мере умножения числа лет его существования и, наконец, который после десяти лет сделался народным в России и принят с особым одобрением во всей Европе...»²⁶ Примерно те же чувства испытывал и Жуковский.

Незадолго до смерти он писал Львову: «Наша совместная двойная работа переживет нас долго. Народная песня, раз раздавшись и получив право гражданства, останется навсегда живою, пока будет жив народ, который ее присвоил. Из всех моих стихов эти смиренные пять благодаря Вашей музыке переживут всех братьев своих. Где не слышал я этого пения? В Перми, в Тобольске, у подошвы Чатырдага, в Стокгольме, Лондоне и Риме!»²⁷

Николай I вместе со свитой и домочадцами прослушал гимн 23 ноября 1833 г. в Певческой капелле, где состоялось первое исполнение сочиненной Львовым и Жуковским «народной песни» (именно так нравилось царю называть гимн) придворными певчими и двумя военными оркестрами. По желанию царя гимн исполнялся несколько раз, и было решено представить его широкой публике. «Показ» состоялся в Москве в Большом театре 11 декабря 1833 г. Вот как на следующий день писала об этом событии московская газета «Молва»: «Вчера 11 декабря Большой Петровский театр был свидетелем великолепного и трогательного зрелища, торжества благоговейной любви народа Русского к царю Русскому». Далее в статье говорилось: «...Будем откровенны – честь великой империи требует, чтобы на пространстве ее, занимающем седьмую часть земного шара, миллионы, совокупленные единым чувством любви и преданности к единой самодержавной главе, ими управляющей, выразили сие высокое чувство своими, не замаскированными звуками, вылившимися из груди русской, проникнутыми русским духом»²⁸.

Автор с восторгом повествует о том, что, когда поднялся занавес, глазам зрителей предстал огромный хор в 400 человек – все актеры русской труппы, Театральной школы, все, кто мог петь, включая актера Щепкина. К оркестру театра присоединился полковой оркестр и оркестр трубачей. При первых звуках гимна все зрители поднялись с мест, а затем долго не смолкали крики «ура!» и «форо!», так что гимн пришлось повторить. «Гром рукоплесканий слился с громом оркестра. Казалось, одна душа трепетала в волнующейся громаде зрителей. То был клич Москвы, клич России!» Идеологически выдержанными были и заключительные строки статьи: «Благословенна страна, где тысячи уст так дружно отзываются на имя царское! Боже, Царя храни! Этот клик останется навсегда призывным кликом России на путь совершенству и славе!

И дотоле никакая враждебная сила не прикоснется к ней, доколе из груди верных чад ее будет вырываться в восторге истинного одушевления сия торжественная песнь!»

Полвека спустя, 9 октября 1883 г. уже другая московская газета «Московские ведомости», помещая на своих страницах материалы, посвященные «50-летию русского народного гимна» и его автору Львову, писала о громадном влиянии на московскую публику этой «русской народной песни». При этом подчеркивалось, что не случайно по желанию Николая I именно в Москве состоялось первое публичное исполнение гимна. О чисто «московских» проявлениях любви к монарху сделал записи и Львов, который присутствовал вместе с царем на одном из торжеств в Москве: «Любовь народа к государю изъяслялась ежеминутно примерами самыми разительными. Во время пребывания императорского Дома в Москве вся площадь против дворца была наполнена народом от утра до вечера. Бросали шапки, махали платками. Народ кричал, многие плакали, целовали то место лестницы, где стоял государь, Отец Отечества»²⁹.

В Петербурге 25 декабря 1833 г., в день очередной годовщины изгнания войск Наполеона из России гимн был исполнен во всех залах Зимнего дворца в присутствии высших воинских чинов и при освящении знамен. «C'est superbe!» («Это великолепно!»), – с такими словами, по воспоминаниям Львова, обратился к нему царь. В некоторых публикациях к этому добавляется еще: «Это то, что мне надо». Следующее общественно-значимое исполнение гимна произошло 30 августа 1834 г. на Дворцовой площади, где был открыт монумент в честь победы над Наполеоном – Александровский столп. Таким образом, «народная песнь» ассоциировалась отныне с народным подвигом, совершенным под руководством монарха во славу Российской империи.

Еще в декабре 1833 г. всем военным оркестрам было предписано «на парадах, смотрах, разводах и в прочих случаях» вместо английской мелодии играть музыку, созданную Львовым. Гимн пропагандировали очень широко. В начале 1834 г. газета «Северная пчела» сообщала, что в продажу поступила «Песнь русских» и «музыка сей песни в четырех разных изданиях: 1) для хора с полным оркестром, 2) для хора с фортепьяно, 3) для одного голоса с фортепьяно, 4) для фортепьяно на четыре руки»³⁰. Существовали и многочисленные подарочные и юбилейные издания гимна.

Львов неоднократно отмечает в своих «Записках», насколько выигрывал российский гимн при сравнении его, например, с прусским или австрийским. Так, в сентябре 1835 г. в присутствии прусского, австрийского и русского государей, обсуждавших вопрос о памятнике в честь Кульмского сражения, выигранного союзниками в 1813 г., военные оркестры играли три государственных гимна: «...Кто из русских не был тронут до глубины сердца, когда раздался отечественный гимн "Боже, царя храни". Такой разительный отпечаток нравов австрийцев и русских! Сочинение мое мне никогда так хорошо не казалось, от восторга у меня лились слезы; я видел, что самые иностранцы были увлечены силою и чувством нашего гимна и сопровождали музыку пением на русском языке»³¹. Рассказывая об одном из своих концертов в Германии, Львов вспоминал, что закончил его «нашим народным гимном. Все слушатели были в неизъяснимом удовольствии, а музыканты, встретив меня на другой день, ходили за мной по улицам целую толпою»³². В другой раз, в Дрездене после концерта опять «был исполнен наш народный гимн, ...рукоплескания, стук ногами и стульями, крики "форо" раздавались, как молния, по всей зале. Я должен был повторить: тот же восторг, те же крики "Vivat Nicolaus!" Меня целовали, шептали мне на ухо: "Wir sind Russen geworden" ("Мы стали русскими")»³³.

Показательно, что точно такое же чувство восторга вызывала музыка гимна и почти через 80 лет после первого исполнения. Офицер лейб-гвардии Кирасирского полка В.С. Трубецкой вспоминал о своих ощущениях, когда он стоял в строю на параде, который принимал Николай II: «Секунда – и старый литавщик энергичным движением разом опустил руку, коснувшись кожи старых кирасирских литавров... Во все усиливающимся человеческом вопле вдруг с новой силой и торжеством родились воинственные звуки наших полковых труб, запевших гимн, полный величия. К горлу подступил какой-то лишний, мешающий комок, усилилось ощущение бегающих мурашек по спи-

не. Что вдохновило господина Львова, композитора малоизвестного и не слишком одаренного, не знаю, но в строгие и спокойные гармонии этого небольшого хора ему удалось вложить огромную идею силы и величия»³⁴. Напомним, что музыкальная тема «Боже, царя храни» варьируется в нескольких произведениях немецких и австрийских композиторов, а П.И. Чайковский «цитирует» гимн в «Славянском марше» и увертюре «1812 год», написанной в 1880 г. и исполнявшейся по случаю освящения Храма Христа Спасителя в Москве.

Тем не менее ближе к концу XIX в. стали появляться статьи (прежде всего в «Русской музыкальной газете»), прямо или косвенно подвергавшие критике шедевр Львова. В частности, издатель этой газеты Н. Финдейзен поддержал миф о конкурсе русских национальных гимнов, в котором якобы принимал участие М.И. Глинка. Между тем каждый, кто знаком с биографией этого великого композитора, знает, что Глинка весной 1830 г. уехал в Италию и вернулся в Россию из Берлина только весной 1834 г.³⁵ Далее Финдейзен опубликовал найденный в бумагах Глинки набросок мелодии под названием «Motif de chant national», которое позднее получило вольный перевод как «Патриотическая песнь». Современные музыковеды из Санкт-Петербурга пришли к выводу, что этот фрагмент создан Глинкой в 1837–1838 гг. и к тому же вряд ли – как набросок Государственного гимна³⁶.

В начале XX в. та же «Русская музыкальная газета» в статье анонимного автора опорила авторство Львова, который якобы использовал для гимна «Боже, царя храни!» мелодию, уже ранее написанную в качестве марша капельмейстером Ф. Гаазом. Профессор Н.Ф. Соловьев приложил много сил, чтобы опровергнуть эти измышления, для чего он вынужден был обратиться к германскому императору Вильгельму II, приказавшему для выяснения истины произвести даже необходимые архивные разыскания. Итог дискуссии о плагиате³⁷, казалось бы, подвела опубликованная в 1910 г. в «Новом времени» большая статья начальника русского придворного оркестра барона Н. Штакельберга, которая была написана на основании подлинных документов и разбивала «все доводы против приоритета Львова»³⁸. Однако в 1911 г. появились совершенно бездоказательные утверждения о том, что мелодия Львова «списана со старинного голландского псалма». На сей раз опровержения поступили из самой Голландии, но «Русская музыкальная газета» продолжала печатать «разоблачительные» материалы по поводу русского гимна и его автора³⁹. Знаменательно, однако, что на известной картине И.Е. Репина, висящей на площадке лестницы Московской консерватории и называющейся «Славянские композиторы», вместе с Глинкой, Шопеном, Римским-Корсаковым и другими изображен в расшитом золотом генеральском мундире и А.Ф. Львов.

В 1917 г. роль гимна новой, демократической России исполняла французская «Марсельеза». Казалось бы, к России французская «Боевая песня рейнской армии», сочиненная в апреле 1792 г. офицером Клодом Жозефом Руже де Лилем и ставшая в революционной Франции ее патриотическим символом, не имеет отношения. Но не будем забывать, что несколько поколений русских революционеров и демократов вдохновлялись идеями Великой французской революции, а «Марсельеза» воспринималась именно как символ восстания против старого порядка. «Марсельеза» пришла в Россию еще в конце XVIII – начале XIX в. Ее распевали декабристы, революционное студенчество, но она была доступна тогда лишь знающим французский язык. Все изменилось, когда видный деятель русского революционного движения П.Л. Лавров создал русский текст «Марсельезы». Он был впервые опубликован в 1875 г. за границей в народнической газете «Вперед» под названием «Новая песня». Через год ее уже пели на мотив «Марсельезы» во время первой политической демонстрации у Казанского собора в Петербурге, а в 1895 г. текст Лаврова был опубликован в листовках под названиями «Марсельеза», «Русская Марсельеза», «Песня рабочих». Затем он получил название «Рабочая Марсельеза». В 1905–1907 гг. это была любимая песня рабочих. Но она проникла также через листовки в среду крестьян, мещан, учителей.

«Марсельеза» являлась официальным гимном Франции, поэтому принятие ее в качестве гимна России было проблематичным. И тем не менее при Временном правительстве, так и не утвердившем символику новой, постсамодержавной России в ожидании Учредительного собрания, «Марсельеза» выполняла некоторые функции гимна государства. Ее исполняли при встрече членов Временного правительства и приеме иностранных делегаций, перед началом спектаклей в театрах. Причем оркестры исполняли классический французский вариант «Марсельезы», а пели русскую «Рабочую Марсельезу». Многие полки отправлялись на германский фронт с красными революционными знаменами, а в бой шли под звуки «Марсельезы»⁴⁰.

Как «Марсельеза», так и «Интернационал» имеют уже большую зарубежную и отечественную историографию. Нередко утверждается, что «Интернационал» стал гимном советского государства сразу же после октябрьских событий 1917 г. При этом ссылаются на книгу Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир», где говорится об исполнении «Интернационала» в Смольном уже 25 октября 1917 г. Для ряда отечественных авторов точкой отсчета является приезд В.И. Ленина из эмиграции в Петроград 3 апреля 1917 г., когда лидер большевиков прямо на Финляндском вокзале предложил товарищам по партии спеть «Интернационал»⁴¹. Как вспоминают очевидцы, слов его почти никто не знал, хотя у «Интернационала» к тому времени уже был русский текст. Ленин же, напротив, их хорошо знал. Еще в 1912 г. он написал статью, посвященную 25-летию со дня смерти члена Парижской коммуны Эжена Потье, создавшего текст «Интернационала» сразу после падения Коммуны в 1871 г. Стихи, однако, были напечатаны лишь через 16 лет, в 1887 г. в сборнике «Chants revolutionnaires», который через полтора месяца попал в Россию⁴². Как показало источниковедческое исследование, тексты 1871 и 1887 гг. существенно разнятся (из 48 строк совпадают только 17⁴³). Потье изменил текст под влиянием растущего пролетарского движения. В частности, появились слова: «Прошлое сотрем начисто, мир должен измениться в своей основе» («Весь мир насилья мы разроем до основания, а затем – мы наш, мы новый мир построим» – в русском переводе). Предполагают, что «Интернационал» был написан сначала на музыку «Марсельезы», которую как «революционную песню» использовали в XIX в. во многих странах мира. Однако переводить стихи Потье на языки других народов начали только после того, как они зазвучали во Франции на музыку Пьера Дежейтера – композитора-любителя из Лилля. 23 июля 1888 г. в исполнении хора лилльских рабочих «Интернационал» впервые был исполнен на местном празднике продавцов газет. Это произвело такое впечатление на всех присутствующих, что ноты и стихи немедленно издали тиражом в 6 тыс. экземпляров. Известно, что в 1902 г. появился перевод «Интернационала» и на русский язык⁴⁴. Надо отметить, что переводы стихов Потье 1887 г. в различных странах не всегда соответствовали французскому тексту. Русский текст «Интернационала» написал в 1902 г. бывший горный мастер из Донбасса поэт А.Я. Коц. Еще в 1899 г. он присутствовал на Первом генеральном конгрессе французских социалистов. Исполнение «Интернационала» так потрясло молодого русского эмигранта, что он решил сделать «Интернационал» достоянием всех борцов с российским самодержавием.

Текст гимна «Интернационал» (в переводе А.Я. Коца) звучит так: «Вставай, проклятем заклеименный, / Весь мир голодных и рабов, / Кипит наш разум возмущенный / И в смертный бой вести готов. / Весь мир насилья мы разрушим / До основания, а затем – / Мы наш, мы новый мир построим: / Кто был ничем, тот станет всем.

Припев: Это есть наш последний / И решительный бой, / С Интернационалом / Воспрянет род людской.

Никто не даст нам избавленья – / Ни Бог, ни царь и не герой, / Добьемся мы освобожденья / Своею собственной рукой. / Чтоб свергнуть гнет рукой умелой, / Отвоевать свое добро – Вдувайте горн и куйте смело, / Пока железо горячо!

Привеv.

Лишь мы, работники всемирной / Великой армии труда, / Владеть землей имеем право, но паразиты – никогда! / И если гром великий грянет / Над сворой псов и палачей, / Для нас все так же солнце станет / Сиять огнем своих лучей.

Привеv».

Некоторые современные авторы, не принимая во внимание того, в какую эпоху был написан текст «Интернационала», отмечают его агрессивный характер, считая, что «его мрачное содержание полно угроз, призывов к насилию, к захвату чужого достояния»⁴⁵. В нем видится даже символ языческой веры («Никто не даст нам избавленья – ни Бог, ни царь и не герой»). Однако никто не мог подвергнуть критике музыку «пролетарского гимна», как стали вскоре называть творение Дежейтера. Музыка «Интернационала» оценивалась как «торжественная и величественная». «Хорально-аккордовый склад фактуры отсылал к церковным истокам. Несмотря на антицерковную направленность гимна, авторы "Интернационала" создали гимн все же в традициях церковного песнопения»⁴⁶.

В русском переводе «Интернационал» быстро превратился в России в средство революционной агитации. Социал-демократы печатали текст «Интернационала» и даже отдельные его фразы в листовках, газетах и в специальных сборниках революционных песен. В 1917 г. «Интернационал» публиковался в песенниках, выпускавшихся не только большевиками, но и меньшевиками, социалистами-революционерами, а также беспартийными издательствами, преследовавшими коммерческие цели⁴⁷. При этом «Интернационал» успешно соперничал с «Марсельезой», а большевики явно отдали ему предпочтение как своему партийному гимну, о чем свидетельствует тот факт, что его пением завершались Апрельская конференция и VI съезд большевиков, а также съезды местных Советов.

Октябрь 1917 г. не принес окончательной победы «Интернационалу» как музыкальному символу революции над «Марсельезой», которая воспринималась обществом в качестве неотъемлемого атрибута предстоящего Учредительного собрания. Тем не менее 5 января 1918 г. в момент его открытия в Таврическом дворце и большевики, и эсеры дружно запели именно «Интернационал». Один из эсеров впоследствии вспоминал: «Этот гимн для многих эсеров... был такой же заветной боевой песнью, как и для большевиков. Не помня себя, я вскочил и запел с ними... Это была величественная картина, когда все Учредительное собрание в целом, без различия фракций единодушно пело боевой гимн революционных социалистов»⁴⁸. А на III съезде Советов, состоявшемся вскоре после этого, снова звучали и «Марсельеза», и «Интернационал». Затем «Марсельеза» постепенно сошла со сцены как символ «буржуазной» революции, а символом «пролетарской» окончательно стал «Интернационал».

С образованием в 1922 г. Советского Союза слова «Интернационала» перевели почти на все языки его народов (даже ранее бесписьменных). После переезда советского правительства в Москву «Интернационал» зазвучал в курантах на Спасской башне Кремля (сначала попеременно с революционным «Похоронным маршем»), откуда звучал вплоть до 1943 г. Потом «Интернационалом» сопровождалась в 1920–1930-е гг. все государственные мероприятия. Не случайно с таким воодушевлением был воспринят приезд в СССР в 1928 г. автора музыки «Интернационала» П. Дежейтера.

Музыка «Интернационала» исключительно высоко оценивалась Д.Д. Шостаковичем. В 1937 г. он заново аранжировал ее и написал партитуру для большого симфонического оркестра и хора, исполнявших «Интернационал». В первые военные годы он мощно звучал именно в инструментовке Шостаковича. А спустя 30 лет после войны композитор в специальной статье объяснял эмоциональное воздействие «Интернационала» такими словами: «Что такое мелодия "Интернационала" в сравнении с тем же танком и самолетом? Простой напев, не более. Однако этот напев, впервые прозвучавший в конце прошлого века, вошел в жизнь миллионов людей. Никакая сила не может заглушить его, приостановить его влияние на ход мировой истории. Он сильнее армады танков и самолетов»⁴⁹.

Вместе с тем надо отметить, что еще в предвоенный период в ЦИК СССР стали поступать письма с предложением «преобразовать» дореволюционный «Интернационал», который «с ростом культуры и счастливой жизни является устаревшим». Однако с началом войны на первый план вышли совсем другие факторы: в официальной большевистской идеологии прежние коммунистические и интернационалистские компоненты оказались оттесненными на второй план национально-государственными, великодержавными, что было сделано в сугубо прагматических целях как средство мобилизации всех сил советского народа на разгром врага. Эти перемены стояли в одном ряду с усилением пропаганды русского и советского патриотизма, роспуском Коминтерна, улучшением отношений с Русской православной церковью и т.д.

Данный процесс отразился и на замене «Интернационала» новым Государственным гимном СССР. В ночь с 31 декабря 1943 на 1 января 1944 г. «Интернационал» в качестве гимна Советского Союза заменил «Гимн Советского Союза», который впервые прозвучал по радио на радиостанции Коминтерна. За 17 дней до этой даты, 14 декабря 1943 г. было принято специальное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о новом Гимне СССР. А 22 декабря в газетах появилось следующее сообщение Совнаркома СССР: «О Государственном гимне Советского Союза. Ввиду того, что нынешний гимн Советского Союза "Интернационал" по своему содержанию не отражает коренных изменений, происшедших в нашей стране в результате победы Советского строя, и не выражает социалистической сущности Советского государства, – Совет Народных Комиссаров Союза ССР решил заменить текст государственного гимна новым текстом, соответствующим по своему содержанию духу и сущности Советского строя. Утвержден следующий текст нового государственного гимна: (далее следует текст с указанием авторов Сергея Михалкова и Эль-Регистана. – Н.С.). Для нового государственного гимна принята музыка композитора Александрова А.В. Ноты к музыке гимна будут опубликованы особо. Повсеместное исполнение нового государственного гимна вводится с 15 марта 1944 г.»⁵⁰

5 января 1944 г. все центральные газеты опубликовали постановление Совета Народных Комиссаров СССР «О вознаграждении поэтов и композиторов, принявших участие в работе по созданию гимна Союза Советских Социалистических Республик»⁵¹. Авторам текста и музыки гимна выдавалось денежное вознаграждение по 100 тыс. руб. По 4 тыс. руб. выплачивалось за каждый вариант гимна композиторам, принявшим участие в работе над музыкой (эта сумма увеличивалась вдвое, если музыка прослушивалась в хоровом и оркестровом исполнении), и каждому поэту, участвовавшему в написании слов гимна. В пункте 5 постановления объявлялась благодарность композиторам и поэтам, принимавшим участие в создании гимна, и перечислялись их имена: композиторов 165 (в итоговой справке приводится число 170 и 223 варианта музыки гимна⁵²), поэтов – 41.

А.В. Александров находится в такой «компании», как Д.Д. Шостакович, А.И. Хачатурян, С.С. Прокофьев, Д.Б. Кабалевский, Р.М. Глиэр, Ю.А. Шапорин, Т.Н. Хренников, И.О. Дунаевский, М.И. Блантер, В.П. Соловьев-Седой... Примечательно, что свою музыку для государственного гимна прислали и представители легкого жанра, например А.Н. Цфасман и О.Д. Строк. Последний даже направил из Алма-Аты личное письмо К.Е. Ворошилову, где писал: «В своей работе над гимном я не пошел на подражание гимнам других стран, которые в своем большинстве написаны как хоралы, я написал в торжественно-величественном духе, что соответствует тексту и нашей величественной, героической стране»⁵³. В числе поэтов, представивших тексты гимна, было также немало известных имен: Н.Н. Асеев, Д. Бедный, О.Ф. Берггольц, В.М. Гусев, М.Ф. Рыльский, В.И. Лебедев-Кумач, М.А. Светлов, К.М. Симонов, Н.С. Тихонов, С.П. Щипачев и другие, включая С.В. Михалкова и Г. Эль-Регистана. Некоторые поэты написали по несколько вариантов текста: Асеев – 5, Исаковский – 6, Гусев – 7, Лебедев-Кумач – 8 и т.д. 14 вариантов получилось у Михалкова и Эль-Регистана⁵⁴.

Создание Гимна СССР в самый разгар войны может показаться сегодня удивительным. Удивляло оно и современников. В воспоминаниях Михалкова говорится, что

встречаясь со своим соавтором Эль-Регистаном (Габриелем Аркадьевичем Урекляном) во время работы над гимном, они задавались вопросом: «Как так? На фронте разворачивались ожесточенные сражения, только пережили Сталинградскую и Курскую битвы, сражение за Днепр... Народное хозяйство страны предпринимало героические усилия, чтобы обеспечить фронт всем необходимым... И в это время правительство уделяло столько внимания созданию гимна Советского Союза!»⁵⁵ При этом начало работы над гимном относится к 1942 г., т.е. к тому времени, когда еще даже не произошел коренной перелом в войне в пользу СССР. Об этом говорил и Ворошилов на первом совещании с поэтами и композиторами 18 июня 1943 г.: «Работа по созданию нового гимна, как вы знаете, проводилась, но все созданные гимны по словам и по музыке очень слабы и нас не удовлетворяют. У нас есть замечательное произведение "Гимн партии большевиков", написанный Лебедевым-Кумачом и профессором Александровым. Некоторые думают, что его надо считать гимном Советского Союза. Но и это произведение... не удовлетворяет той высокой задаче, которая стоит перед гимном. Чтобы "не обижать" Лебедева-Кумача и Александрова, чтобы их "не грабить", надо создать новые слова и новую музыку советского гимна»⁵⁶. О том, что поэты уже в 1942 г. писали тексты гимна, свидетельствует, например, и письмо Ворошилову Максима Рыльского, который сообщал об отправке сокращенного варианта «прошлогоднего гимна, на который... так и не была написана музыка»⁵⁷.

Напомним, что зимой 1941–1942 гг. немецко-фашистские войска впервые за годы Второй мировой войны потерпели крупнейшее поражение от Красной армии под Москвой. В глазах всего мира и в глазах советского руководства Красная армия стала не только защитницей от фашистского нашествия, но и достойной продолжательницей славных боевых традиций народа России в дореволюционный период. Не случайно именно в 1942 г. были введены погоны со звездами вместо петлиц и ромбов, возрождена гвардия, учреждены ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского. Все виды искусств, включая музыку, были задействованы в патриотической агитации в самых широких слоях населения и прежде всего среди воинов Красной армии. Наибольшее влияние на патриотический настрой бойцов имела «Священная война» В.И. Лебедева-Кумача и А.В. Александрова. Во многих воспоминаниях о Великой Отечественной войне приводится рассказ об исполнении ансамблем Александрова этой песни на Белорусском вокзале в Москве перед бойцами, уезжавшими на фронт. Песню «Священная война» исполняли не только профессиональные, но и самодеятельные коллективы, ее текст перепечатывали фронтовые газеты. «Священную войну» называли песней-гимном, а один музыковед назвал ее «музыкальной эмблемой Отечественной войны»⁵⁸.

В дальнейшем Александров продолжал писать музыку в гимническом жанре. 1 мая 1942 г. прозвучало его произведение «За честь и свободу» («Песня о Советском Союзе»), а в начале 1943 г. им были написаны песни-гимны «Святое ленинское знамя», «Цвети, Советская страна» и «Славься, Советская наша страна». Эту гимническую музыку Александров представил на конкурс мелодий для Гимна Советского Союза⁵⁹ вместе с музыкой «Гимна партии большевиков», созданной в 1939 г. Создали песни-гимны со словами, прославляющими нашу страну, композиторы В.Г. Захаров («Слава Советской державе»), А.Г. Новиков («Славься, великая Родина»), Т.Н. Хренников («Живи, наша Родина»), Б.А. Александров («Да здравствует наша держава»). Как видим, выбор гимнической музыки в 1942 и первой половине 1943 г. был очень большим. Однако комиссия в составе заместителя председателя СНК СССР К.Е. Ворошилова, первого секретаря МК и МГК, начальника Главного политуправления Красной армии А.С. Щербакова, председателя Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР М.Б. Храпченко, председателя Союза советских писателей А.А. Фадеева, председателя Союза советских композиторов Р.М. Глиэра в июне 1943 г. начала работу по созданию Гимна Советского Союза, что называется, «с чистого листа».

18 июня 1943 г. Ворошилов и Щербаков в присутствии 8 поэтов и 12 композиторов несколько раз повторили тезис о том, что «Интернационал» устарел для нашего народа («это пройденный этап, пусть его поет тот, кто еще не разрушил старый мир»). Они

также высказали пожелания по содержанию гимна, в тексте которого, по мнению советского руководства, должны быть отражены две главные темы: победа рабочего класса и установление власти трудящихся и братство и дружба народов СССР. Особо подчеркивалось, что «о партии упоминать не следует, так как гимн является всенародным, национально-беспартийным»⁶⁰. Его слова должны жить как минимум десятилетия, а может, и сотни лет, чтобы гимн вошел в душу народа. Такие указания руководства многим поэтам показались слишком общими, поэтому последовали вопросы: «Нужно ли упоминать в гимне Ленина и Сталина? Нужно ли отразить в нем войну?» и т.д. Ворошилов вынужден был добавить, что имена Ленина и Сталина должны быть в тексте, но о фашистах писать не стоит. Впоследствии в текстах гимна, написанных большинством поэтов, присутствовали и Ленин, и Сталин, и их «мудрое руководство», однако у Симонова, Берггольц и некоторых других авторов упоминаний о вождях страны Советов не было. Так, Берггольц заканчивала гимн словами: «Да здравствует, да властвует, да славится народ!» Симонов также славит страну и народ: «Во веки да будет свободной Земля, на которой живет воинственный и благородный трудящийся русский народ».

Уже на первом обсуждении принципов создания Гимна Советского Союза прозвучала мысль об использовании в нем русских мелодий. Шербаков, например, отмечал: «Русская музыкальная культура наиболее старая. И, вероятно, она наложит отпечаток на музыку гимна». С ним соглашался Хачатурян: «Музыка его (гимна. – Н.С.) в смысле колоритности должна быть русская... Практика показала, что русские песни поются везде, во всех национальных республиках... Я в своей работе буду отталкиваться от русской городской песни»⁶¹.

Характерно, что Государственный гимн СССР у многих поэтов ассоциировался с первым российским Государственным гимном. Во всяком случае новый гимн неоднократно называли народным по аналогии с гимном XIX в. Поэт Александр Жаров говорил, что «царский гимн по структуре был прост, немногословен», а поэт Гусев считал, что в гимне могут быть «элементы молитвенности». Очень многие поэты в представленных ими текстах гимна использовали многократно повторенное «Славься! Славься! Славься!», напоминающее хор «Славься!» в опере М.И. Глинки «Иван Сусанин». Однако самыми показательными были действия по сбору сведений о месте и времени исполнения царского гимна, поскольку нужно было выработать строго установленные правила использования советской государственной символики внутри страны и за рубежом.

В 1949 г. Президиум Верховного совета СССР направил начальнику Главного архивного управления генерал-майору В.Д. Стырову указание «по встретившейся надобности» подобрать «архивные материалы, относящиеся к церемониалу исполнения русского и иностранных государственных гимнов, а также церемониалу различных торжеств и официальных приемов, на которых исполнялся Государственный гимн»⁶². Многие архивы прислали соответствующие сведения, почерпнутые из различных изданий, воинских уставов, журнальных и газетных статей, ибо, как констатировалось в заключительной справке, «среди этих материалов не имеется единого документа, регламентирующего исполнение гимна»⁶³. В итоге были разработаны Правила исполнения Государственного гимна СССР, утвержденные Указом Президиума Верховного совета СССР в 1950 г. Тогда же ликвидировали разноречивые наименования гимнов: «государственный гимн», «народный гимн», «национальный гимн», «партийный гимн», «революционный гимн» и т.д. Официально устанавливались два названия: «Государственный гимн» и «Партийный гимн» (им стал с 1944 г. «Интернационал»).

В некоторых современных изданиях говорится о закрытом конкурсе на лучший текст гимна. Это не так. Многие поэты присылали свои стихи через Союз писателей и лично через А.А. Фадеева, а также в письмах на имя Ворошилова. В одном из таких писем поэт Асеев говорит: «Идея всего текста в целом такова: в первой строфе дать характерные качества нашего государства... Во второй – непрерывность его исторического развития, связь и общность целей и воли с веками накопившимся народным

опытом доблести и мужества. И, наконец, в третьей – воедино слить это новое и старое в устремлении к будущему. Старые знамена славы и побед окрашиваются в цвет социалистического знамени...»⁶⁴ Несколько писем прислал Ворошилову Исаковский. В них содержатся конструктивные идеи относительно текста Гимна СССР: «Гимн должен быть кратким, крепким, пружинистым. Далее – в некоторых прежних гимнах чересчур много славословия, за которым часто теряется основной смысл... Гимн должен быть написан в утвердительной, в категорической (если так можно выразиться) форме»⁶⁵. Во многих письмах, сопровождавших тексты гимна, авторы (иногда непрофессиональные поэты) объясняли свое желание участвовать в конкурсе «чувством патриотизма и любви к Родине». В итоге 65 человек представили на конкурс 122 текста.

Как отмечалось, 170 композиторов предоставили более 200 мелодий. Музыка «Гимна партии большевиков» А.В. Александрова на первых этапах конкурса (июнь 1943 г.) отнюдь не была сразу одобрена. На первом совещании 18 июня Хачатурян, например, довольно скептически произнес: «Мне хотелось бы узнать, в чем достоинства музыки Александрова?» Его поддержал Новиков, заявив, что музыку Александрова «много слушают, но она трудна для среднего исполнения». В процессе прослушивания, которое проходило в основном в Бетховенском зале Большого театра, куда приглашались не только поэты и композиторы, председатели общественности, но и выдающиеся артисты и дирижеры Большого театра, отмечалось, что вариант гимна Александрова «находится на общем уровне». Некоторые выступающие, среди них был и Александров, после прослушивания гимнических мелодий 17 августа 1943 г. (2-й тур) восторгались музыкой Хренникова: «Гимн Хренникова резко отличается от остальных. Он торжественен, монументален, выразителен и хватает за душу. Все исполнявшиеся гимны внешне схватывают движения, есть хоральность, но в них чувствуется засушливость, какая-то казенность. У Хренникова же выражены личные чувства патриота»⁶⁶.

Прослушивания 17 и 24 августа выявили нового лидера среди композиторов. Им оказался Д.Д. Шостакович. И Ворошилов, и Щербаков признавали, что «наиболее приближающейся к требованиям, которым должна отвечать музыка гимна, пока остается произведение Д. Шостаковича»⁶⁷, хотя «заслуживает внимания» музыка отца и сына Александровых, Мурадели, Хачатуряна, Хренникова и др. В защиту музыки Шостаковича выступили Михалков и Эль-Регистан. В письме к Ворошилову от 28 сентября 1943 г. они писали, что только два композитора нашей страны – Дм.Дм. Шостакович и С.С. Прокофьев могли написать такую музыку («лучше всех существовавших и существующих гимнов других народов» – слова Ворошилова). «Сам факт авторства одного из этих двух мастеров, признанных величайшими композиторами современности, придал бы гимну нашей Родины тот характер, о котором Вы говорили»⁶⁸. Интересна резолюция Ворошилова на этом письме: «Шостакович и Прокофьев действительно самые признанные композиторы наших дней, однако гимн будут писать все композиторы СССР (а может быть, и не композиторы примут участие), и кто из них даст лучшую музыку гимна, тот и будет автором этого исторического сочинения».

И действительно, музыку гимна, переделанную по несколько раз, представили не только москвичи, но и музыканты из других городов СССР: из Ташкента – 16, из Алматы – 14, из Тбилиси – 12, из Баку – 7 и т.д.

С 24 сентября 1943 г. прослушивания проводились с нарастающей интенсивностью через каждые 7–10 дней. Применялась шкала оценок музыки по 12-балльной системе, причем регулярно 7–8 баллов получала музыка Шостаковича и Александрова, хотя на определенных этапах выделялись и другие композиторы. Например, на прослушивании в Большом театре 16 ноября, где присутствовали Сталин, Молотов, Маленков и другие руководители советского государства и где исполнялась музыка гимна 9 композиторов, в том числе и Александрова («Гимн партии большевиков»), была «выделена для доработки музыка Хачатуряна, Шостаковича, Туския». На одном из прослушиваний (1 ноября 1943 г.) из 14 авторов музыки трое – Шостакович, Хачатурян и Александров получили наивысшую оценку – 8 баллов. Интересны комментарии Ворошилова,

помещенные в протоколе около каждой фамилии: Шостакович – «как будто бы сносно», Хачатурян – «сносно», Александров – «ожидал большего».

Конкурс текста гимна также проходил в острой борьбе, хотя, может быть, и менее напряженной. Постоянно высказывались претензии руководителю писательского цеха А.А. Фадееву по поводу отсутствия достойных стихов. В сентябре Ворошилов, докладывая Сталину о работе над Гимном Советского Союза, подчеркивал, что отсутствует «удовлетворяющий нас текст». Многие композиторы, в свою очередь, тоже жаловались, что не могут работать над гимном, ибо музыка должна координироваться его словами. Тогда решили предоставить композиторам право выбора стихов тех поэтов, которые участвовали в конкурсе. Интересен состав, представленный к совещанию 24 августа 1943 г. в ведомстве Фадеева. Из 18 участников было только 5 членов партии, 11 русских, 5 евреев, 1 украинец, 1 армянин.

К началу сентября подвели предварительные итоги конкурса текстов гимна. Из них составили сборник и отправили Сталину⁶⁹. В него вошли 96 текстов, созданных 56 поэтами. По мнению Ворошилова, Щербакова, «а также по единодушному признанию всех присутствовавших композиторов и поэтов», прослушивавших музыку гимна вместе со словами в Бетховенском зале Большого театра 11 сентября, ни один из представленных вариантов не отвечал предъявляемым требованиям. Однако лучше других была музыка Шостаковича на слова Михалкова и Эль-Регистана. К 20 сентября руководство страны окончательно остановилось на третьем варианте текста (который мало чем отличался от первых двух) именно этих авторов. Он назывался «Свободных народов союз благородный», состоял из четырех куплетов без припева, значительно отличаясь от окончательного текста гимна. Авторам настоятельно рекомендовали «придать простоту и ясность языку текста с тем, чтобы он был доступен всем слоям населения, независимо от их общественного положения и культурного уровня»⁷⁰. В частности, слова «союз благородный», «в грядущее» (путь озарил) отдавали, по мнению критиков, «литературщиной» и могли быть «не поняты в деревне». «Литературщину» авторы быстро заменили более понятными для широких масс словами: «союз нерушимый» и т.д. Рекомендовано было также сделать припев. 7 вариантов припева «изготовили» 2 поэта за каких-то 2–3 дня. Он звучал так: «Живи в веках, страна социализма, / Твоя звезда к победам нас ведет. / Живи и крепни, славная Отчизна, / Тебя хранит великий твой народ!»

25 сентября 1943 г. специальным постановлением ЦК ВКП(б) текст гимна был утвержден (2 куплета и вышеприведенный припев). Он был передан всем композиторам Советского Союза для написания музыки, причем подчеркивалось, что «для участия композиторов национальных республик, краев, областей в создании музыки Гимна этот текст передается по телеграфу в республиканские, краевые и областные центры Советского Союза. Срок представления музыки – 14 октября 1943 г.»⁷¹

Октябрь, ноябрь и часть декабря прослушивали музыку гимна в хоровом, оркестровом и смешанном (хора и оркестра) исполнении. 29 композиторов писали музыку на слова Михалкова и Эль-Регистана, которые одновременно продолжали работать над текстом. В конце октября Сталин высказал авторам свои соображения по поводу двухкуплетного текста, заявив, что он слишком короток. По его мнению, необходимо было добавить третий куплет, посвященный Красной армии, «которая боролась, борется и будет бороться за честь, свободу и независимость нашего Отечества»⁷². Михалков и Эль-Регистан представили 7 вариантов третьего куплета. В дальнейшем вся отработка текста проходила под непосредственным наблюдением Сталина и даже в его присутствии. 28 октября членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) сообщили окончательный вариант трехкуплетного текста Гимна с припевом, хотя к авторам обратились с просьбой сделать запасной вариант припева – более торжественный. Он был написан и вошел в окончательно утвержденный текст. В ноябре состоялось прослушивание на сцене Большого театра в оркестровом и хоровом исполнении гимнических мелодий нескольких композиторов со словами Михалкова и Эль-Регистана. В результате были выделены 3 мелодии: «Гимн партии большевиков» Александрова, совместный вариант Шостаковича–Хачатуряна, а также Тускии.

Наконец, через месяц, 13 декабря 1943 г., в присутствии руководителей советского государства в Большом театре состоялось последнее прослушивание. Гимн исполнялся оркестром Большого театра под управлением дирижера А.Ш. Мелик-Пашаева и хора Краснознаменного ансамбля, руководимого Александровым. Окончательный выбор пал на музыку Александрова. На следующий день специальное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило окончательную музыку Гимна и его текст: «Союз нерушимый республик свободных / Сплотила навеки Великая Русь. / Да здравствует созданный волей народов, / Единый, могучий Советский Союз!

Прпев: Славься, Отечество наше свободное, / Дружбы народов надежный оплот! / Знамя советское, знамя народное / Пусть от победы к победе ведет!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы, / И Ленин великий нам путь озарил. / Нас вырастил Сталин – на верность народу, / На труд и на подвиги нас вдохновил.

Прпев.

Мы армию нашу растили в сраженьях, / Захватчиков подлых с дороги сметем! / Мы в битвах решаем судьбу поколений, / Мы к славе Отчизну свою поведем!

Прпев».

Столь подробный рассказ о полугодовой интенсивной работе над музыкальным символом нашей страны вызван бездоказательностью некоторых конъюнктурных высказываний, заполняющих страницы печатных изданий последнего десятилетия. В искренности советских поэтов и композиторов почему-то никто не верит, не верят и их патриотизму. Особо много нареканий вызывает музыка Александрова, в основном за то, что ее выбрал якобы Сталин. Если даже предположить, что дело обстояло именно так, то невольно возникает мысль о некоем духовном взаимопонимании бывшего семинариста Сталина и бывшего учащегося регентских классов Александрова. 9-летним мальчиком привезенный из рязанской деревни в Петербург, Александров начал петь в хоре Казанского собора. В 1898 г. руководитель этого хора В. Фатеев помог талантливому юноше поступить в регентские классы Петербургской певческой капеллы, которой руководил когда-то А.Ф. Львов и где через 2 года Александров получил звание хорового регента. В самом начале XX в. Александров был принят в Петербургскую консерваторию по классу профессора Н. Соловьева, позднее защищавшего от нападок Львова. Он учился там также у Н.А. Римского-Корсакова, А.К. Глазунова, А.К. Лядова. В революционном 1905 г. он выиграл конкурс и стал регентом архиерейского хора в Твери. Из Твери Александров постоянно ездил в Москву, где брал уроки в Московской консерватории, которую закончил с большой серебряной медалью⁷³. Александров был последним регентом церковного хора Храма Христа Спасителя. В 1918 г. он начал преподавать в Московской консерватории, а также работал как хормейстер в столичных театрах, пока не связал свою жизнь с организованным им Ансамблем красноармейской песни (затем – Краснознаменный ансамбль Советской армии). И как бы ни старались некоторые современные журналисты опорочить музыку Александрова, им вряд ли это удастся, ибо сохранились восторженные отзывы и о «Священной войне», и о других его произведениях, например о «Поэме об Украине» (1942), которую современники не могли слушать без слез.

Однако мало кто, кроме домашних, знал, что Александров всегда тяготел к церковной музыке, с юности зная знаменый распев. Его сын, Б.А. Александров вспоминал, что отец обладал обширными знаниями по византийской гимнографии и до тонкости знал весь набор православных богослужебных песнопений: стихиру, кондак, тропарь, акафист, икос, славословие, величание и аллилуарий и конечно же, гимн. В начале 1990-х гг. сын Александрова показал бывшим сослуживцам духовные сочинения отца и наиграл одну написанную еще в конце 1920-х гг. мелодию, в которой угадывалась «первоткань» Гимна Советского Союза⁷⁴.

Новый Государственный гимн СССР звучал на сцене Большого театра столь же величественно и торжественно, как и исполнявшийся за 110 лет до этого на той же самой сцене первый национальный гимн «Боже, царя храни!» Кстати говоря, он прозвучал первым на «концерте гимнов» в 1943 г. (как указывается в документе, – «для сравне-

ния»). Исполнены были также гимны советских композиторов, получившие самые высокие оценки при прослушивании, и несколько гимнов других держав: Великобритании («Боже, храни короля»), Франции («Марсельеза»), США («Звездное знамя»), Италии («Юность»), Германии (кайзеровский и нацистский), Японии⁷⁵.

В период с 1945 по 1955 г. были утверждены тексты и мелодии гимнов всех союзных республик (кроме РСФСР)⁷⁶. На государственном уровне была разработана система исполнения как Государственного гимна СССР, так и гимнов союзных республик, тщательно проработан вопрос о времени исполнения Государственного гимна по радио⁷⁷ (6 и 24 часа) и т.д.

После разоблачения культа личности Сталина Гимн СССР стал исполняться без слов. Так продолжалось до 1977 г. Однако в связи с приближением 60-летия советского государства и подготовкой его новой Конституции ЦК КПСС, куда поступали многочисленные предложения по поводу нового гимна, принял решение воссоздать текст Государственного гимна СССР, отразив в нем возросшую роль КПСС в жизни страны и ее влияние на революционные процессы во всем мире⁷⁸. С.В. Михалкову было предоставлено приоритетное право внести изменения в текст, написанный им совместно с Эль-Регистаном, к этому времени уже более 30 лет покойным. Михалков вспоминает, что он представил более 100 вариантов изменений третьего куплета, припева и некоторых других строк⁷⁹. Из текста были изъяты куплет о Красной армии, имя Сталина и добавлены слова о КПСС, которая «нас к торжеству коммунизма ведет». 27 мая 1977 г. Президиум Верховного совета СССР утвердил текст и музыку Гимна Советского Союза (музыка Александрова, слова Михалкова и Эль-Регистана), о чем сообщили все газеты страны, напечатав слова и ноты Гимна. Болгарская газета «Работническо дело» назвала даже новый советский гимн «Марсельезой XX века»⁸⁰. С 1 сентября 1977 г. было введено повсеместное исполнение Гимна Советского Союза с новыми словами.

Распад Советского Союза и оформление его прежних составных частей в самостоятельные государства привели Российскую Федерацию к отказу от прежней государственной символики и созданию новых символов России. В конце 1993 г. указом Президента РФ Б.Н. Ельцина в качестве Гимна Российской Федерации была утверждена мелодия «Патриотической песни» М.И. Глинки в музыкальной редакции Б. Диева без словесного текста. Еще в 1990 г. ее выбрала комиссия по созданию Государственного гимна РСФСР при Министерстве культуры РСФСР. В ноябре 1990 г. на сессии Верховного совета РСФСР полузабытое музыкальное произведение Глинки исполнил духовой оркестр Министерства обороны СССР, а 27 ноября того же года под эту музыку открылся II внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР. Депутаты единогласно утвердили тогда «Патриотическую песню» как музыку Государственного гимна РСФСР. Однако со словами вышла заминка. Многим деятелям искусств, политикам в том числе Тихону Хренникову, Людмиле Зыкиной, Аману Тулееву и др. понравились стихи поэта В.М. Калинкина, начинавшиеся словами «Над Отчизной величаво...»⁸¹ и очень созвучные мелодии Глинки. Однако их мнение не получило поддержки; в итоге более 10 лет Гимн России существовал без слов.

В 2000 г. С.В. Михалков написал слова Государственного гимна Российской Федерации, ритмически согласовав их с мелодией А.В. Александрова: «Россия – священная наша держава! / Россия – любимая наша страна! / Могучая воля, великая слава – / Твое достоянье на все времена / *Припев*: Славься, Отечество наше свободное, / Братских народов союз вековой. / Предками данная мудрость народная! / Славься, страна! Мы гордимся тобой! / От южных морей до полярного края / Раскинулись наши леса и поля. / Одна ты на свете! Одна ты такая – / Хранимая Богом родная земля.

Припев.

Широкий простор для мечты и для жизни / Грядущие нам открывают года. / Нам силу дает наша верность Отчизне. / Так было, так есть и так будет всегда!

Припев.»

Хочется верить, что последние слова Гимна станут пророческими.

Примечания

- ¹ См.: Соболева Н.А., Артамонов В.А. Символы России. М., 1993. С. 184–185.
- ² Брюсов В.Я. О новом русском гимне // Советская Россия. 1991, 23 марта.
- ³ За Глинку! Против возврата к советскому гимну. Сборник информационных материалов. М., 2000.
- ⁴ Там же. С. 92, 93.
- ⁵ См.: Артамонов В.А. «То был России клич!» // Соболева Н.А., Артамонов В.А. Указ. соч. С. 192–193; Калинин В.М. Да будет во благо сплочение наше! М., 2000; Грачев В.Н. Гимны России – зеркало ее духовного состояния. М., 2003. С. 104 и др.
- ⁶ Kisseljoва L. Заметки о российском гимне (карамзинисты – творцы официальной идеологии) // Studia Litteraria Polono – Slavica. 3. Warszawa, 1999. S. 260.
- ⁷ Kisseljoва L. Указ. соч.; Соболева Н.А. Концепция «Москва – Третий Рим» и официальная российская символика второй половины XVIII–XIX в. // Россия и мировая цивилизация. М., 2000.
- ⁸ «Хождение» Стефана Новгородца // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 36.
- ⁹ Повесть временных лет // Там же. XI – начало XII века. М., 1978; С. 134. Впоследствии в русской церкви сложилась стройная система богослужения и гимнических песнопений (кондак, стихира, тропарь, ирмос и т.д.), принцип октоиха (осмогласия), складывается и основная жанрово-стилистическая разновидность древнерусского церковного пения – знаменный распев. См.: Музыкальный словарь Гроува. Пер. с англ. М., 2001. С. 239, 342.
- ¹⁰ См.: Рогов А.И. Музыкальная эстетика России XI–XVIII веков. М., 1973. С. 7; Рамазанова Н.В. Гимнографическое творчество Ивана Грозного: миф или реальность // Исторический вестник. Москва; Воронеж, 2001. № 2–3 (13–14). С. 487–488.
- ¹¹ Владышевская Т.Ф. Древнерусская музыкальная культура // История русской музыки. Вып. 1. М., 1999. С. 25.
- ¹² См.: Преображенский А.В. Культовая музыка в России. Л., 1924. С. 10; Владышевская Т.Ф. Указ. соч. С. 22.
- ¹³ См.: Владышевская Т.Ф. Указ. соч. С. 83.
- ¹⁴ Там же. С. 139.
- ¹⁵ Там же. С. 143.
- ¹⁶ См.: Преображенский А.В. Указ. соч. С. 79. Список духовных произведений А.Ф. Львова приводит в своем труде крупный современный историк музыки профессор Московской Государственной консерватории Е.М. Левашов: Традиционные жанры православного певческого искусства в творчестве русских композиторов от Глинки до Рахманинова. 1825–1917. М., 1994. С. 44–45. Среди них концерты: «Приклони, Господи, ухо твое», «Услыши, Господи, молитву мою» – «капитальнейшие нумера в духовно-музыкальном творчестве».
- ¹⁷ Бернштейн Н. История национальных гимнов. Пг., 1914. С. 45.
- ¹⁸ Серебрянников Н.В. Гимн России «Боже, царя храни!». Тверь, 2002. С. 4.
- ¹⁹ История лейб-гвардии Финляндского полка. Отдел 1. 1806–1831. СПб., 1881. С. 259–260.
- ²⁰ Цит. по: Серебрянников Н.В. Указ. соч. С. 4.
- ²¹ Записки композитора Алексея Федоровича Львова // Русский архив. 1884. Кн. 4. С. 242.
- ²² Гимн «Боже, царя храни». Из рассказов А.П. Петерсона // Русский архив. 1909. № 12. С. 528.
- ²³ Наиболее полная библиография работ о гимне и А.Ф. Львове опубликована в книге В.В. Крутова «"Боже, царя храни". История первого российского гимна» (М., 1998).
- ²⁴ Крутов В.В. Указ. соч. С. 31.
- ²⁵ Записки композитора... // Русский архив. 1884. № 4. С. 243.
- ²⁶ Там же. С. 247.
- ²⁷ Цит. по: Барановский А. «Боже, царя храни!» Дело о плагиате монархического гимна // Родина. 1996. № 12. С. 97.
- ²⁸ Молва. 1833, 12 декабря.
- ²⁹ Записки композитора... // Русский архив. 1884. № 5. С. 89.
- ³⁰ Северная пчела. 1834. № 4. С. 14.
- ³¹ Записки композитора... // Русский архив. 1884. № 4. С. 252–253.
- ³² Там же. № 5. С. 68.
- ³³ Там же. С. 75.
- ³⁴ Трубецкой В.С. Записки кирасира. М., 1991. С. 165.
- ³⁵ Васина-Гроссман В.А. Михаил Иванович Глинка. М., 1979. С. 33, 43.
- ³⁶ Рамазанова Н.А.С. Пушкин и А.Ф. Львов // Нева. 2001. № 2. С. 218; Никитин К. Патриотическая песня польских католиков как гимн демократической России? // Российская газета. 2000, 25 мая.
- ³⁷ Подробнее об этом см.: Бернштейн Н. Указ. соч. С. 9–10; Барановский А. Указ. соч. С. 97, 99.
- ³⁸ Барон Штакельберг Н. Об авторе нашего народного гимна // Новое время. 1910, 4 июня.
- ³⁹ Русская музыкальная газета. 1911. № 30–31. С. 617.

- ⁴⁰ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. СПб., 2001. С. 287–289.
- ⁴¹ Дрейден С. Музыка – революции. М., 1981. С. 130; Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 291.
- ⁴² Гиппиус Е.В., Зверев Р.Я. К истории текста «Интернационала» и его переводов // Вопросы истории КПСС. 1968. № 3. С. 104.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. С. 106.
- ⁴⁵ Грачев В.Н. Указ. соч. С. 84.
- ⁴⁶ Там же. С. 86; Дрейден С. Указ. соч. С. 148.
- ⁴⁷ Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 294.
- ⁴⁸ Цит. по: Там же. С. 301.
- ⁴⁹ Цит. по: Хентова С.М. Мелодии великого времени. М., 1980. С. 44.
- ⁵⁰ ГА РФ, ф. 5446, оп. 54, д. 17, л. 188–191.
- ⁵¹ Там же, л. 192–195.
- ⁵² Там же, л. 181.
- ⁵³ Там же, л. 94.
- ⁵⁴ Там же, д. 16, л. I–III.
- ⁵⁵ Александров В.П. Сергей Михалков. М., 1988. С. 110–111.
- ⁵⁶ ГА РФ, ф. 5446, оп. 54, д. 17, л. 1.
- ⁵⁷ Там же, д. 16, л. 123.
- ⁵⁸ Рабинович А.С. Музыкальная эмблема Отечественной войны // Советская музыка. 1946. № 7. С. 22–24.
- ⁵⁹ Сохор А. Русская советская песня. Л., 1959. С. 255.
- ⁶⁰ ГА РФ, ф. 5446, оп. 54, д. 17, л. 2.
- ⁶¹ Там же, л. 3.
- ⁶² Там же, ф. 7523, оп. 41, д. 142, л. 1.
- ⁶³ Там же, л. 17.
- ⁶⁴ Там же, ф. 5446, оп. 54, д. 16, л. 19.
- ⁶⁵ Там же, л. 72.
- ⁶⁶ Там же, д. 17, л. 33.
- ⁶⁷ Там же, л. 173.
- ⁶⁸ Там же, л. 161.
- ⁶⁹ Там же, л. 41–43. Один экземпляр этого сборника генерал-майор Л.А. Щербаков, бывший помощник Ворошилова, подарил Государственному историческому музею, где он хранится (см.: ОПИ ГИМ, ф. 459, оп. 1, д. 542). Рукою С.В. Михалкова приписано, что Сталин (которому в начале осени 1943 г. был отправлен сборник с текстами гимна) «заложил наш текст на стр. 83, с чего и началась с нами работа по созданию окончательного текста в 1943 г.» В сборнике напечатаны 3 варианта совместного, Михалкова и Эль-Регистана, текста гимна (с. 83–85), а на с. 86 напечатан еще 1 вариант, мало отличающийся от предыдущих, но с указанием авторства Михалкова и автора музыки Шостаковича.
- ⁷⁰ Там же, л. 175.
- ⁷¹ Там же, л. 179.
- ⁷² Там же, л. 182.
- ⁷³ Шилов А.В. Краснознаменный ансамбль Советской армии. М., 1964. С. 13–14.
- ⁷⁴ Компаниец А.Я. Русские истоки державного гимна // Русский Дом. 2001. № 12. С. 44–45; его же. Из глубины былин // Родина. 2002. № 3. С. 86–87; Возвращение Александрова // Труд. 2001, 4 января. С. 5. См. об этом также: Грачев В.Н. Указ. соч. С. 96–100.
- ⁷⁵ Именно эти гимны обозначены в программе прослушивания с приложением дословных переводов (ГА РФ, ф. 5446, оп. 54, д. 17, л. 122–127).
- ⁷⁶ Многолетние попытки создать Гимн РСФСР не дали положительных результатов. В 1945 г. к написанию его музыки привлекались композиторы Шостакович, А.А. Касьянов, Хренников и др. В качестве первоначального текста были выбраны стихи Щипачева «В грозах окрепла Россия родная...», которые затем дорабатывались им совместно с Исаковским. Однако многочисленные комиссии, в состав которых входили и члены правительства, и известные деятели искусств, не могли остановиться ни на одном варианте текста и музыки гимна России, хотя только музыкальных вариантов за 1945–1948 гг. было создано 97. 28 декабря 1948 г. композитор Касьянов представил доработанный вариант гимна, который был отклонен очередной комиссией. По высказанному ею мнению, «нужно писать новый гимн» (Зинич М.С. Музыкальный символ России // Отечественные архивы. 1988. № 4. С. 83–84).
- ⁷⁷ ГА РФ, ф. 7523, оп. 75, д. 614, л. 4, 6–14.
- ⁷⁸ Александров В.П. Указ. соч. С. 114.
- ⁷⁹ ОПИ ГИМ, ф. 459, оп. 1, д. 543, л. 63.
- ⁸⁰ Там же, л. 24.
- ⁸¹ Калинин В.М. Указ. соч. с. 25.

Примечания редактора сайта www.hymn.ru к статье Н.А. Соболевой

к стр. 18. Текст гимна Советского Союза приведен с небольшими неточностями. В гимне 1943 г. все три припева слегка отличались друг от друга: в первом припеве вторая строчка начиналась с «Дружбы народов...», во втором — «Счастья народов...», в третьем — «Славы народов...». Кроме того, несколько знаков препинания расставлены по всей видимости не так, как было в официальной редакции гимна.

к стр. 19. Текст гимна Российской Федерации приведен с небольшими неточностями: в пяти местах знаки препинания на концах строк отличаются от официальной редакции гимна (Указ Президента «О тексте Государственного гимна Российской Федерации» от 30 декабря 2000 г.).